

РЕПОРТАЖ из ЮЖНОГО ВЬЕТНАМА

УИЛФРЕД БЭРЧЕТТ

Австралийский журналист

ОБЩЕИЗВЕСТНО, что история повторяется, но редко так, как история политики США в Южном Вьетнаме.

Десять лет назад покойный Джон Фостер Даллес пытался втянуть бывших партнеров США по корейской войне в новую авантюру. Тогда нужно было оказать помощь французским империалистам в «грязной войне» в Индокитае или по крайней мере заставить их разделить с Америкой, являвшейся основным финансовым кредитором агрессоров, бремя военных расходов. Но союзники США, обжегшись на корейской войне, отказались участвовать в этой аванюре. Главной марионетке США, Южной Корее, пришлось выделить под их нажимом две дивизии, чтобы воодушевить других. Австралия послала шесть батальонов, остальные — ничего. Но в конечном итоге план интервенции лопнул, как мыльный пузырь. Французы потерпели позорное поражение при Дьен-Бьен-Фу, несмотря на громадную материальную помощь США, и вынуждены были уйти из Индокитае, а несколько миллиардов долларов, вложенных в это безнадежное дело, оказались выброшенными на ветер.

Теперь, десять лет спустя, министр обороны США Макнамара пытается заручиться поддержкой союзников США по НАТО и СЕАТО в войне в Южном Вьетнаме, развязанной вопреки торжественным обязательствам, подписанным в Женеве в 1954 году, не прибегать к силе или угрозе силы, могущим нарушить соглашение о прекращении огня в Индокитае.

Характерно, что если в 1954 году единственным правительством, послушно повиновавшимся удару американского кнута, было правительство Южной Кореи, то в 1964 году к нему присоединился Бонн, соблазненный ядерной приманкой.

Помощь Бонна не сможет изменить обстановку

**ПУТЕШЕСТВИЯ
ВСТРЕЧИ
В ПЕЧАТЛЕНИЯ**

в 1964 году так же, как участие во французском «иностранном легионе» нескольких десятков тысяч бывших эсэсовцев не спасло Францию от поражения десять лет назад. Однако любопытно, что США рассматривают участие Бонна как выход из создавшегося положения.

Государственные деятели США несут ответственность за ту напряженную атмосферу, которую американские журналисты, комментаторы и конгрессмены наперебой характеризуют в самых мрачных тонах.

Женевские соглашения 1954 года были полезными и реалистичными. Их выполнение не ущемляло никаких законных интересов США. Напротив, они создавали условия для стабилизации обстановки в Индокитае с его 35-миллионным населением — в Индокитае, где в проигрыше оказались только французские империалисты, которые так или иначе смирились со своим положением.

Теперешний кризис в Южном Вьетнаме возник из-за убежденности США в том, что законные интересы обязывают их занять место французов в Индокитае.

Недавно я провел почти пять месяцев в освобожденных районах и местах военных действий в Южном Вьетнаме и видел, как народ после 20 лет непрерывной войны стремится к миру. Сколько раз я слышал, с какой радостью и облегчением приветствовали вьетнамцы соглашения о прекращении огня и как эта радость сменилась недоверием и горечью, когда первая массовая демонстрация, организованная в Сайгоне по случаю десятой годовщины подписания соглашения, была расстреляна войсками нового сайгонского режима, поставленного у власти Вашингтоном.

Последовавшие затем кровавые месяцы заставили народ снова взяться за оружие для защиты своих очагов. Трудно было найти семью, которая избежала бы арестов, пыток и расстрелов.

Знаменательно, что нынешние руководители Национального фронта освобождения — те же самые люди, которые создали и возглавили Сайгоно-Шолонский комитет защиты мира и Женевских соглашений — комитет, входящий во Всемирный Совет Мира.

Но политика США и нгодиньдьемовского режима была направлена против мира и Женевских соглашений, и уже в ноябре 1954 года, спустя четыре месяца после их подписания, этот комитет был распущен, а его руководители арестованы. Среди них

был и Нгуен Хыу Тхо, хорошо известный сайгонский адвокат, возглавлявший комитет. Позже он был спасен партизанами и теперь стоит во главе Национального фронта освобождения.

Я старался выяснить, как началась война в Южном Вьетнаме, но оказалось, что она фактически никогда не прекращалась.

Начиная с 1954 года, когда народно-освободительная армия Вьетнама отошла согласно Женевским соглашениям на север, США и сайгонское правительство повели бои против безоружного вьетнамского народа, против всех патриотов, участвовавших в войне Сопротивления.

Логика действий США была такова, что если эти люди боролись с французским колониализмом, то они являются потенциальными врагами и американского неоколониализма, а потому подлежат уничтожению.

Моя поездка привела меня в самый центр событий, в деревни и дома вьетнамцев и национальных меньшинств, разбросанных по Южному Вьетнаму, а также в штаб НФО и его многочисленные организации — от центрального, регионального и областного масштаба до деревенских ячеек.

Накануне Нового года я направлялся по небольшому каналу к сверкающему в лучах солнца Сайгону, спеша встретить праздник в городе, в котором я не был ровно год. Мягко работавший подвесной мотор, сопровождавшие нас солдаты внимательно всматривались в темноту, а местный проводник тщательно изучал каждый поворот и деревце, боясь пропустить очередной пункт встречи.

Одно неверное движение могло нам дорого обойтись. Но вот впереди дважды мелькнул огонек, мы заглушили мотор и пристали к бамбуковой рощице, откуда был подан сигнал. В ту же минуту кто-то схватил меня за руку и вывел из зарослей бамбука к тропинке. Молча, не проронив ни слова, шли мы цепочкой по тропинке, протоптанной в ананасовом саду, к следующему месту встречи. Деревья были посажены так близко друг к другу, что едва можно было протиснуться сквозь них с поклажей.

Стояла ночь 12 марта. Мы находились в девяти километрах от юго-восточной окраины Сайгона-Тёлана. Обычно же мы передвигались днем на велосипедах без всякой маскировки, если не считать черной национальной одежды крестьян и конусообразных соломенных шляп, так удачно скрывавших большую часть лица.

Кульминационным моментом моей поездки являлась встреча возле Сайгона. В общей сложности я провел в Гиа-Дин — районе, в котором расположен Сайгон, пару недель, встречался с его жителями, членами различных организаций Фронта, действовавших подпольно в городе, а также поддерживавших связь с людьми из близлежащих деревень, «контролируемых» Сайгоном или «освобожденных»

НФО

Во время первой встречи в Исполнительном комитете Сайгоно-Гиа-Динского отделения НФО президент Хуинг Тан Фат объяснил мне вещи, кажущиеся, на первый взгляд, странными и непонятными.

Несколько раз меня предупреждали, чтобы я был особенно осторожен, ибо мы входили на территорию, контролируемую противником. Но я, по правде говоря, никогда не мог определить разницу между «контролируемой» местностью и «освобожденной».

«Нам приходится жить с противником бок о

бок», — объяснил господин Фат, энергичный, средних лет мужчина с аккуратно подстриженными усами, президент Южно-вьетнамской демократической партии и генеральный секретарь ЦК НФО. — Например, противник думает, что эта деревушка, где мы находимся сейчас, принадлежит ему, а на самом деле она наша. Жители Сайгона часто покидают его, совершенно не подозревая, что тут же попадают в «освобожденный район». Мы их никогда не задерживаем, никогда не требуем документов, если нам не покажется, что среди них шпион. Иногда наши люди ошибаются, выбирают неверный путь и через несколько минут оказываются прямо перед носом у противника. Наши территории тесно смыкаются и переплетаются, и особенно вокруг Сайгона. Но вы сталкиваетесь с противником только тогда, когда наткнетесь на его боевой пост или попадете под прицел его артиллерии. Мы проводим политику так называемой изоляции вражеских постов. Это означает, что они окружены кольцом партизан и неприятельский гарнизон может покинуть свой пост только с нашего разрешения».

Господин Фат вытащил карту и указал на деревню в округе Бин-Тан, где я провел новогоднюю ночь. Я с удивлением заметил, что был всего в нескольких сотнях шагов от поста. «Фактически его больше не существует», — объяснил Фат. — Он был снят не так давно. В течение нескольких месяцев этот пост был отрезан от своих, и гарнизон вынужден был выпрашивать разрешение посещать рынок и брать питьевую воду в канале Кин-Ксанг, который находится под рукой. Каждую минуту они опасались нападения». Но еще более беспокойно было совсем рядом с деревушкой. С каждой стороны на расстоянии одного-полутора километров находились посты, и прохот орудий раздавался так близко, что было почти невозможно расслышать спокойные заверения Хуинг Тан Фата, что противник совсем не опасен.

«Да», — продолжает он, — на карте все это выглядит довольно угрожающе. Кажется, что мы целиком окружены вражескими постами, но фактически окружены-то они. Они могут оставить свой пост только для проведения совместных боевых действий с использованием мобильных резервов».

Я спросил, что означает этот странный грохот рвущихся бомб и снарядов и треск тяжелых пулеметов. Господин Фат улыбнулся: «Это учебный десантный центр в Трунг-Хоа, километрах в двух отсюда. Враги больше не могут обучать своих солдат прыжкам с парашютом, так как многие из них приземлялись в наших районах — некоторые намеренно. Теперь они тренируют их в искусственно созданных боевых условиях. И так происходит каждое утро».

На карте это поразительное переплетение районов, контролируемых Сайгоном и Национальным фронтом освобождения, обозначено зелеными и красными пятнами, а разбросанные между ними желтые пятна указывают районы (в чем я постоянно убеждался), номинально удерживаемые Сайгоном днем и контролируемые НФО ночью. Подобное же положение существует в дельте реки Меконг, сообщили мне руководители Национального фронта освобождения в своем тайном штабе, расположенном в джунглях. Его местонахождение меняется в зависимости от действий сайгонской авиации.

В военных и административных целях НФО делит дельту на два района: зона первая — к западу от реки Меконг и зона вторая — восточнее Меконга вплоть до Сайгона. В первой расположено 368 населенных пунктов, из которых только 36 полностью освобождены. Но эти 368 пунктов охватывают 3200

мелких деревушек, из них 2500 полностью освобождены. Свыше двух миллионов человек из трехмиллионного населения зоны живет в освобожденных районах. В отличие от правительства мы можем собирать налоги и набирать людей в наши вооруженные силы. Во второй зоне — 494 деревни, из которых полностью освобождены 100, 91 находится под полным контролем Сайгона, 150 освобождены почти на две трети, а остальные — наполовину. При общей численности населения в 2,7 миллиона человек 1,8 миллиона живет в освобожденных деревушках, 400 тысяч — в окружных и районных центрах, контролируемых Сайгоном, оставшиеся 500 тысяч — в местностях, находящихся под нашим контролем, в районах, занятых партизанами.

Причиной столь быстрого перехода жизненно важных областей в руки Вьетконга послужила аграрная политика Национального фронта освобождения и крайне неразумная земельная политика Дьема и его американских советников в районах, контролируемых Сайгоном. Во время так называемой первой освободительной войны, то есть войны с Францией, Вьетминь распределил около 500 тысяч гектаров земли между безземельными и малоземельными крестьянами. Как заявил президент НФО Нгуен Хыу Тхо, Нго Динь-Дьем отобрал у крестьян всю землю, за исключением 75 тысяч гектаров, посадив им на шею старых или новых землевладельцев. Ответная реакция крестьян и явилась одной из главных причин, приведших ко «второй освободительной войне». Менее чем за три с половиной года, прошедших с момента создания НФО, 1 299 177 гектаров земли были переданы крестьянам, в результате чего в руках НФО сейчас гораздо большая часть дельты Меконга, чем когда-либо находившаяся в руках Вьетмина. Такой ценой, — а это лишь первый взнос — Сайгон расплачивается за нарушение извечного закона — никогда не пытаться отменить земельную реформу.

Другой крупной ошибкой сайгонского режима была беспощадная политика ассимиляции горных племен, грозившая полным уничтожением целым расовым группам. Горцев десятками тысяч изгоняли из их домов в джунглях и горах и перевозили на равнинные местности. Самое большее, на что могли надеяться оставшиеся, — быть согнанными в «стратегические деревни» и работать на новых плантациях, бывших некогда их охотничьими угодьями и обрабатываемыми землями. Все коренное население, проявив недюжинные военные способности, встало на сторону Национального фронта освобождения, руководители которого возглавили священную войну против сайгонского режима и его американских хозяев.

Третья крупная ошибка — беспощадное преследование и физическое уничтожение всех, кто так или иначе участвовал в борьбе Вьетмина против французских колонизаторов. А когда был принят закон от 10 мая 1959 года и передвижные гильотины двинулись по стране, неся смерть, бывшие участники «первой освободительной войны» решили, что лучше умереть с оружием в руках, чем быть зарезанными, как кролики. Они бежали в горы и джунгли к старым партизанским базам в дельте Меконга, где нашли поддержку и убежище у замученных эксплуатацией крестьян и жестоко угнетаемых горных племен и составили костяк нынешних первоклассных вооруженных сил, имеющих, возможно, самый богатый в мире опыт партизанской борьбы. Когда я спросил Нгуен Хыу Тхо, улыбающегося, уверенного в себе человека, какую часть территории и населе-

ния контролирует Национальный фронт освобождения, он ответил: «Две трети территории и немногим более половины населения». Я заметил, что почти та же цифра упоминалась впервые в 1961 году, а, как известно, Национальный фронт освобождения с тех пор добился значительных успехов, особенно в дельте Меконга.

«Дело в том, — объяснил он, — что в 1960—1961 годах по стране прокатилась волна так называемых местных и крестьянских восстаний, в результате которых значительная часть земли оказалась в руках крестьян. В 1962 году, после открытой интервенции США, главный упор правительства был сделан на то, чтобы, создав «стратегические деревни», вновь подчинить страну сайгонскому режиму. В некоторых районах это удалось. Но уже в 1963 году, говоря о размерах территории, мы смогли восстановить положение, существовавшее в конце 1961 года, а численность контролируемого нами населения даже превысила цифры 1961 года, так как большие победы мы одержали в густо населенной дельте Меконга».

Данные, которые, привел Нгуен Хыу Тхо, показались мне несколько заниженными. Когда я высказал ему свои наблюдения и соображения, он улыбнулся и сказал: «Не забывайте, что эти цифры касаются только полностью освобожденной территории, где мы собираем налоги и производим набор в нашу армию. Это наши так называемые партизанские базы. Если бы мы включили сюда и районы, где население нас поддерживает, а противник осмеливается появляться только днем, то цифры были бы гораздо выше».

По военным картам я мог следить, как красные пятна неуклонно надвигались на желтые, а те, в свою очередь, оттесняли зеленые. Несомненно, что к концу 1964 года будут опубликованы иные, более свежие данные. Я узнал также, что у НФО есть свое правительство с центром в штабе Нгуен Хыу Тхо. Военный комитет, комитет по иностранным делам, комитеты общественного здравоохранения, экономики и финансов, информации, комитеты по делам образования и искусства, связи и телевидения — в сущности те же министерства с другим названием, с подкомитетами, являющимися их отделами.

Я заинтересовался, не собираются ли они сформировать временное правительство. Господин Нгуен Хыу Тхо ответил, что этот вопрос уже стоит на повестке дня.

Сколько бойцов насчитывает НФО, неизвестно, но я убежден, что их больше, чем следует из подсчетов, опубликованных в США. У Фронта существует три типа вооруженных сил. Партизаны «местной самообороны», защищающие родные деревни и вооруженные главным образом оружием местного производства и несколькими легкими пулеметами. Партизаны «местной самообороны» расставляют на подступах к своим деревням взрывающиеся ловушки и ежи. В обязанности партизан входит также изоляция и уничтожение вражеских постов в их районе.

Партизанам «районного масштаба», имеющим штатное пехотное вооружение, отведен определенный географический район, округ или провинция. Их задача — вести боевые действия против войск Сайгона, расположенных в этом районе.

Регулярные вооруженные силы, организованные в полки, призваны отражать атаки главных ударных сил Сайгона, а также проводить наступательные операции.

(Окончание следует)



*Нищета — результат многолетнего хозяйничанья американцев в Южной Корее. Этот снимок сделан на улице Сеула.
Фотохроника ТАСС*